ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ОРГКОМИТЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

№ 52 (221) 17 НОЯБРЯ 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1-я страница

ПЕРЕДОВАЯ—Заключительное слово тов. Гронского на расширенном пленуме оргкомитета ССП.
Наше слово о литературе академик Вильямс.
Из дневника Андре Жида.

2-я страница

Н. Серебрянский—«Пао-Пао».
Вс. Иванов—Отрывок из романа «У».
И. Сельвинский—Поэзия и наши задачи.

3-я страница

Прения по докладу тт. Киршона и Субоцкого на пленуме оргкомитета ССП СССР—высказывания тт. М. Слонимского, В. Инбер Аби, Н. Тихонова, Л. Никулина.

4-я страница

Литературный Нью-Йорк.
А. Архангельский—Литературные пародии.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: З. Багдикяна, С. Динамова, М. Кольцова, Е. Лидина, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Субоцкого, М. Серебрянского, Е. Усиевич

Наше слово о литературе

Академик **В. Р. ВИЛЬЯМС**

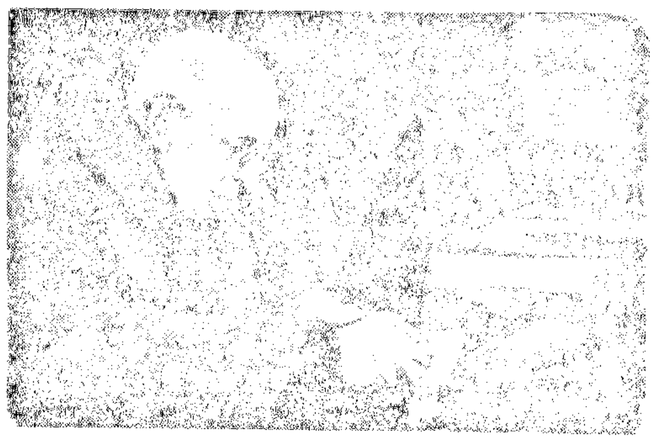
Советская художественная литература достигла необычайного расцвета. Она ставит гражданские проблемы, она высокохудожественна. По моему мнению, некоторые советские писатели создали ряд литературных произведений, которые по своему идейному и художественному уровню приближаются к лучшим произведениям русских классиков.

Я — активный читатель. Несмотря на большую занятость, читаю много, исключительно произведения советских писателей. Выписываю журналы «Новый мир» и «Красная новь». К сожалению, из-за очень неаккуратной доставки журналов точной не имею возможности своевременно прочитать последние произведения. Приходится читать с большими перерывами...

Высоко ценю «Бруски» Ф. Панферова. Эта книга совершенно верно освещает все основные вопросы коллективизации. На протяжении всей книги (первой и второй части «Брусков») чувствуешь эту большевистскую правдивость в показе героев романа. В книге четко даны образы отдельных людей, их кое-какие и убеждения, решимость отдельных героев романа перейти на новые формы ведения сельского хозяйства. Особенно ярко и особенно именно запоминаются последние главы романа. Сами колхозники глубоко сознают, что коллективизация чисто механическое соединение в одно целое всех бруньи (имущества) является только первым шагом коллективизации, что главным моментом является приведение всех элементов сельского хозяйства в одну социалистическую и марксистскую систему. Эти места прекрасно показаны Панферовым.

При всех положительных данных «Брусков» первые две части романа страдают некоторыми недостатками. В первых, роман растянут. Если бы книга была более сжата и более популярна, она еще более приблизилась бы к массам читателей-колхозников. Показуй, использована в романе для колхозников будет скучен и малочитаем. Второй недостаток — герои Панферова много рассуждают. Панфилов должен бы вместо рассуждений показать своих героев в непосредственном движении, от этого они больше выиграли бы.

Читал я и «Поднятую целину» М. Шолохова. В книге автор затронул тему о перегибах в коллективизации. Несколько схематично, но достаточно убедительно у Шолохов показан сопротивление кулаков и подкулачников коллективизации. «Поднятая целина» в известной мере вынимает перед «Брусками» своей красотою. Эта книга написана популярно. После «Тихого Дона», стряхнувшего старую романтику, мы в этом жестокое слово.



Академик В. Р. Вильямс в своей лаборатории за работой

ПИСЬМА ИЗ ЗАГРАНИЦЫ

Альфред Кюрелла

В жизни людей есть моменты, представляющие собой кульминацию в их творчестве и миросозерцании. Таким был для меня день, когда я, ошеломленный в дом умалишенных великими властями, ибо я стал для них неудобен, получил известие о победоносной революции в России. Этим днем датируется мой окончательный и безоговорочный переход из буржуазного лагеря в лагерь пролетарской революции. Очень скоро после этого я получил возможность поехать в Москву, где помимо всего прочего имел счастье несколько раз лично разговаривать с Лениным по вопросам Баварской советской республики и революционного движения. С этих пор Октябрьская революция и тот переворот, который она произвела в странах старой России и всего мира, стали осью моей жизни, моих дум и моего творчества. Октябрьская революция научила меня по-новому видеть мир и дала основу всему моему художественному и политическому творчеству.

После всего сказанного ясно, что выход из экономического и культурного кризиса, в котором корчится весь буржуазный мир, я вижу только в пролетарской революции. Тесная и деятельная связь с Октябрьской революцией в России научила меня подходу к проблемам культурной революции в капиталистических странах по-ленински, а приобретенный мной в Советском союзе на участке культурной революции опыт дал мне возможность применить всё это для правильного охвата проблем культуры и искусства германской пролетарской революцией.

Советская литература оказала на меня влияние больше всего теоретическими дискуссиями, которые вызвали ее развитие. Они дали мне возможность выработать правильную точку зрения на литературное наследство европейских буржуазных литератур и на вопрос о роли революционной пролетарской литературы в капиталистических странах. В отдельности я не мог бы назвать ни одного произведения советской литературы, которое бы творчески непосредственно оказало на меня влияние. Но одно я хочу указать за эти годы вещей, как-то: «Рождение героя» Либединского, «Ночная земля» Гладкова, «Волга» Пильняка, по которым я учился, как не надо писать.

Бернард Брехтано

Немецкий публицист и литературный критик, автор интересной книги «Начало варварства в Германии», освещающей современное социально-экономическое и культурное состояние Германии последних лет.

Мне кажется, что после вас, русских, никто немцев может оценить более всего беспримерное значение Октябрьской революции для истории человечества. Мы сидим здесь над бесчисленными книгами, читаем их и узнаем, что Англия не стала бы Англией без своей великой революции. Мы знаем прекрасно, как мало духовное развитие Франции, распространяя свое влияние над всей Европой, какое значение имели для Франции революции, происходившие между 1789 и 1871 гг. Эти революции, да и сами их последствия, стали настоящим нервом нельзя-нельзя, полнокровности и лаконизма с некоторыми пролетариями над всеми только революция пролетариев.

Наша родина была «Лишь тогда в обществе свободы, когда эту свободу хранили» (Маркс). Так оно и до сих пор. Поэтому нам мало одного восхищения перед Октябрьской революцией: немцы не столько восхищается, сколько ему завидует.

«Выходов» из экономического кризиса и, к сожалению, вижу несколько. Реакция может на некоторое время еще раз стабилизироваться. Когда заглянешь из и активах, как трудно социал-демократических рабочих учить и направлять, то подобную возможность надо предвидеть.

Вместе с тем лакеи искусства и науки соперничают исчезнуть, и поскольку речь идет об искусстве и науке буржуазии, положение безысходно. В той литературной классовой борьбе, которую мы здесь ведем, наряду с марксистской наукой уже рождается и пролетарское искусство, и ему для его полного развития недостает только свободы. Не нужно, конечно, запрещать на другом фронте.

Русские книги печатаются в большом количестве даже буржуазными издательствами, и мы читаем их с огромным интересом. Однако (и в этом сказывается, к сожалению, отсталость нашей Германии) мы получаем множество русских романов для чтения, но теоретические труды, которые нас интересовали бы не меньше, если не больше, в сущности, почти не переводятся. Это надо было бы быстро и коренным образом изменить.

Я работаю в настоящее время совместно с некоторыми пролетариями над вещью, что должна быть изображен интерьер буржуазной рабочей семьи от начала войны и до наших дней. Воспоминания о недавних боях во время войны и в последующих годах — 1918, 1919, 1921 и 1923 — еще живы в сознании коммунистических рабочих, но более молодые уже многих деталей не знают, а остальные рабочие массы словно совсем позабыли, как близки они были к тому, что к свободе.

Мне хотелось дать в этой книге не только картину повседневных лишений и страданий немецкого рабочего под игом буржуазного класса, но также и картину подвигов немецкого пролетарского солдата во время классовой борьбы.

Итоги пленума

ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Заключительное слово тов. И. М. Гронского

— Позвольте, товарищи, подвести некоторые итоги нашего пленума. Пленум показал, что заявление о повороте широких масс интеллигенции в сторону советской власти не является пустой фразой. Интеллигенция действительно повернула в сторону советской власти и переходит на позиции рабочего класса. Если взять все выступления писателей на нашем пленуме и рассмотреть их под этим углом зрения, то неудовлетворительным надо признать только одно выступление — выступление тов. Клычкова. Тов. Клычков стоит в раздумье. Он еще не решил, бороться ли ему вместе с рабочим классом за социализм, или еще некоторое время постоять в стороне и подождать: а может быть, что-нибудь изменится. Я думаю, что мы можем дать т. Клычкову возможность подумать, не будем торопить его с решением, да и незачем это делать. Среди писателей, вероятно, найдется еще человек пять, которые не знают, куда им идти, и хотят подумать, — пусть сами определят свои пути.

Это не враги, это люди нейтральные. Пусть они сами определят, куда им идти. В этом больше заинтересованы они. Мы в этом меньше заинтересованы.

На пленуме нам удалось создать единый союз советских писателей, включающий в себя всех художников слова, изучения от пролетарских писателей и кончая старыми писателями, выросшими в условиях буржуазной культуры. У нас создался единый фронт советской литературы. Что объединяет всех художников слова? Объединяет всех желание служить рабочему классу, желание бороться за построение социалистического общества, желание работать над созданием социалистической культуры. Вот что, товарищи, объединяет всю массу писателей от Чумандрина до Андрея Белого.

На пленуме мы синьейшим образом укрепили братский союз литератур народов СССР. Литературы различных народов Советского союза были поставлены на пленуме в одинаковое положение, в равноправное положение. Выступавшие товарищи совершенно правильно обрушивались на термин «национальная литература». Вместо этого термина пленум выдвинул более правильное понятие «литература народов Советского союза».

На пленуме удалось положить начало преодолению групповщины. Вы слышали выступления бывших руководителей РАПП и бывших руководителей других литературных группировок. Воздержались от выступлений на пленуме только представители группы «Перевал», ограничившись присылкой в президиум письменного заявления о роспуске своей группы.

Раньше всего нужно остановиться на выступлениях руководителей РАПП. Они не были одинаковы. Тов. Чумандрин по-большевистски, по-рабочему повернул резко, сжег за собой все мосты. Если вы спросите, оставил ли тов. Чумандрин какую-либо возможность для маневра, я скажу — нет, он не оставил никакой возможности для маневра. Он целиком покончил с групповщиной. Такими же по содержанию были выступления тт. Либединского, Фадеева и Ермилова. Все сказанное о выступлении тов. Чумандрина надо отнести и к ним. Более осторожно выступили идейные руководители группы быв. руководителей РАПП.

Другая группа бывших руководителей РАПП во главе с тов. Авербахом (хотя каждый из них выступал в отдельности, и никто из нас не может сказать, что они согласовали свои выступления) труднее изживает групповщину. Видите ли, вроде, которые выносили какую-либо организационную форму, в данном случае руководства литературой, обычно с большим трудом преодолевают выработавшиеся навыки работы, с трудом отказываются от созданной ими организационной формы. Нечто подобное случилось с тт. Авербахом, Макарьевым и отчасти Киршоном. Эти товарищи не вскрыли до конца ошибок РАПП и своих собственных ошибок. Говорили они много, но далеко не все. Я не сказал бы, что те заявления, которые сделаны этими товарищами здесь на пленуме, являются неудовлетворительными. На пленум ожидал от них большего, пленум знает, что люди, окончательно не порвавшие с групповщиной, не раскритиковавшие до конца своих ошибок, оставляют возможности для маневрирования, а для чего это делается, пленум тоже знает достаточно хорошо. ЭТИ ТОВАРИЩИ ОСТАВИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ МАНЕВРИРОВАНИЯ. Используют они эти возможности или нет, — покажет будущее. Не используют возможностей, которые они оставили для маневрирования, — будем работать вместе над созданием союза советских писателей. Используют возможности, которые они оставили для маневрирования, — будем драться, и пусть товарищи знают тогда на себя.

Так обстоит дело с преодолением групповщины по линии бывшей РАПП.

Но кроме РАПП, есть и другие группы, например «Кузница» и «Перевал». Первая из этих групп распадается, но не думайте, что она уже распалась, она еще не распалась. Эту группу еще нужно преодолеть.

Что касается группы «Перевал», то эта группа не распалась и не преодолена. То обстоятельство, что с этой трибуны «перевальцы» не выступали, а прислали в президиум лишь формальное заявление, показывает, что руководители этой группы не хотят входить в общую работу по преодолению групповщины. Это в принципе. Ведь «Перевал» — самая правая группа советской литературы и самая маленькая группа, которой меньше всего занимались наши литературные организации. Меня спрашивают в записках: можно ли критиковать «Перевал» как правый фланг нашей советской литературы? Конечно можно, больше того, — необходимо, но эта критика не должна нести за собой каких-либо административных мер со стороны оргкомитета.

Мы сделали очень много для установления правильных взаимоотношений между коммунистами и беспартийными. На этом пленуме мы проверяли работу коммунистов через беспартийных, а работу беспартийных — через коммунистов.

На этом пленуме мы поставили творческие вопросы. Не думайте, что их разрешили, нет, пока еще только поставили. Придется много поработать над тем, чтобы правильно их решить.

Мы были лишены возможности развернуть на этом пленуме обсуждение организационных и материально-бытовых вопросов. Надо было бы поговорить по этой группе вопросов, но, очевидно, основные разговоры по этим вопросам мы поведем на следующем пленуме, который думаем созвать в последних числах декабря или в начале января.

К этой группе вопросов относится: выработка устава союза советских писателей, руководство кружками, ребята городка писателей и др.

Вот собственно итоги пленума.

Какие задачи стоят перед нами? Писателям надо изучиться уважать друг друга. (ГОЛОСА: Это правильно). Может быть, это пустяки, о которых не стоило бы говорить с трибуны пленума, но когда один писатель говорит другому: ты осёл, а тот отвечает: а ты блоха, — приходится говорить и о таких пустяках. Это имеет некоторое значение и для отношения критиков к писателям и писателей к критикам. Наши критики должны с уважением относиться к писателю, к его работе и должны помогать ему в его трудном деле.

С трибуны пленума т. Чумандрин говорил о социалистическом соревновании, о помощи писателей друг другу. В условиях капитализма, в условиях буржуазного строя писатель конкурирует с писателем, как зубной врач с зубным врачом, но ведь это нехарактерно для социалистического общества. Конкуренция при социализме исчезает не только с рынка, но и из области так называемого интеллектуального труда. Место конкуренции в социалистическом обществе занимает помощь друг другу. Соцсоревнование кипрза и заодится к тому, чтобы, ПОМОГАЙ ДРУГ ДРУГУ, ТЯНИТЬСЯ ВПЕРЕД ВСЕМ ФРОНТОМ.

НАМ НУЖНО ВЫДВИНУТЬ ВПЕРЕД ДРАМАТУРГИЮ ВО ВСЕХ ЕЕ ЧАСТЯХ И ФОРМАХ. НАМ НУЖНО ДВИНУТЬ ВПЕРЕД КРИТИКУ И СДЕЛАТЬ ЕЕ СЕРЬЕЗНОЙ И ГРАМОТНОЙ. Мы не особенно богаты грамотной критикой. Легко кричать о том, что произведение плохое или хорошее, а показать, почему оно хорошее или почему оно плохое, куда трудное. Для того чтобы кричать, — знания не надо, а чтобы показать, — нужны знания. У наших критиков знаний очень мало, читают они мало, учатся мало, — надо заставить их заниматься науками. Нашим критикам надо обрасти культурным жиром, — это для них крайне необходимо.

Нам надо приступить к изданию литературы народов СССР на русском языке и обратно — произведений русских писателей на языках отдельных народов, входящих в Советский союз. Мы должны создать всесоюзную литературу, а мы создать ее не сможем, если не будем на русском языке издавать произведения писателей других народов и русские произведения издавать на других языках.

Повидимому, в ближайшее время придется созвать ряд совещаний по творческим вопросам и в первую очередь по вопросам детской литературы, драматургии и критики.

Но главное, к чему сводится все, ЭТО — К ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ЗАКРЕПЛЕНИЮ СОЗДАННОГО ЗДЕСЬ НА ПЛЕНУМЕ ЕДИНОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Без этого организационного закрепления мы не сможем двинуться вперед ни на один шаг. Поэтому сейчас приобретает огромное значение черновая работа, работа организации. У нас было, к сожалению, отвлечение от этой работы, но без проведения этой работы мы не сможем двинуться на шаг вперед. В этом сейчас главное (АПЛОДИСМЕНТЫ).

Ленинградцы полностью одобрили РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА

ЛЕНИНГРАД (По телеграфу от наш. корр.). Вчера состоялось общегородское собрание писателей и литкружковцев. На массовом собрании после доклада т. Субоцкого об итогах пленума всесоюзного оргкомитета развернулись оживленные прения. В числе выступивших: Вячеслав Шишков, призывавший к внимательному товарищескому отношению к писателю. Добин, в самокритической речи резко осудивший рецидивы групповщины. Выступили также: тт. Эйхенбаум, Гербачев, Грабарь, кружковец «Красного путиловца» Виноградов и ряд других товарищей.

Собрание полностью одобрило решения пленума.

РЕСТ

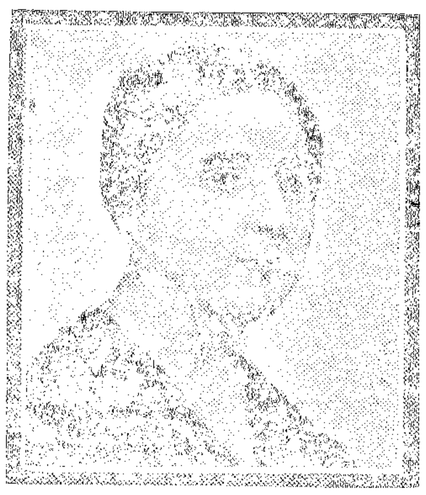
Дружеские шаржи БОР. ЕФИМОВА

ЗОЩЕНКО

Из книги шаржей Бор. Ефимова и пародий Анибала, выходящей в из-ве МТП

Президиум ВЦИК присвоил звание заслуженного деятеля искусств художнику Б. Е. Ефимову.

Н. С. Аллилуева



Дорогой т. Сталин!

Трудно найти такие слова соболезнования, которые могли бы выразить чувство собственной нашей утраты.

Примите нашу скорбь о смерти Н. С. Аллилуевой, отдававшей все свои силы делу освобождения миллионов угнетенного человечества, тому делу, которое вы возглавляете и за которое мы готовы отдать свои жизни, как утверждение несокрушимой жизненной силы этого дела.

Л. ЛЕОНОВ, ВЕРА ИНБЕР, Л. НИКУЛИН, Г. НИКИФОРОВ, В. ШКЛОВСКИЙ, Ю. ОЛЕША, А. МАЛЫШКИН, ВС. ИВАНОВ, В. ЛИДИН, И. СЕЛЬВИНСКИЙ, А. АРХАНГЕЛСКИЙ, И. ИЛЬФ, Е. ПЕТРОВ, РАИСА АЗАРХ, Б. ПИЛЬНЯК, СВЕТЛОВ, ЭД. БАГРИЦКИЙ, С. КИРСАНОВ, В. КИРШОН, К. ЗЕЛИНСКИЙ, М. ШАГИНЯН, А. ФАДЕЕВ, П. ПАВЛЕНКО, В. КАТАЕВ, С. БУДЯЦЕВ, М. КОЛЬЦОВ, С. ДИНАМОВ, Е. УСИЕВИЧ, А. СЕЛИВАНОВСКИЙ, М. СЕРЕБРЯНСКИЙ, Л. АВЕРБАХ, М. СУБОЦКИЙ, И. АНИСИМОВ.

Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Сталине; как художник — впервые. Утром прочел известие. Потрясен так, точно был рядом жил и видел.

БОРИС ПАСТЕРНАК

АНДРЕ ЖИД

Из дневника

КЮВЕРВИЛЬ, 30 января

Я прочел антисоветский номер журнала «Je suis partout», прочел почти залпом. Самое большое, что я мог пропустить то здесь, то там, — это сарочек двадцать.

Хочется подчас поверить тем сведениям, которые даются в этих статьях, так доказывают, как дважды два четыре, «банкротство» нового режима в СССР. Но почему, если пятилетка по их словам пятилетка заключится полной неудачей, почему же у них столько опасений?

Вы утверждаете, что две трети сельскохозяйственных машин, выпускаемых «Красным путиловцем» или Сталинградским заводом, сразу же почти выходят из строя, что большинство уголь себя не оправдывает, что северные сегодняшние транспорты плывут к ужасающим ледяным. Так чего же вы пугаетесь?

Ведь нельзя же одновременно запугивать меня каким-то чудовищем и тут же доказывать мне, что чудовища это не существует.

Как прикажете вы мне воспринимать некоторые неудачи, которые вы радостно отмечаете? Например, в частной борьбе с религией. Вы с торжеством цитируете «пресмешные» частные фразы («Безбожник»): «Крестьянин часто не хватает денег на самое необходимое, но на попа у них всегда находятся деньги. В селе Колыбелка крестьяне собрали по 10 рублей со двора на престольный праздник. В селе Колесовке они собрали 50 рублей на яхту на церкви, а на починку моста не хватило ничего». Неужели же вы думаете что такими фактами можно заставить меня сейчас: «Да здравствует религия». Это только доказывает всю трудность и вместе с тем это сверхмалость предпринятого дела. Хорошие доводы не только системы противодействия, но и самого «народа» я его собрал малый.

Вы обольщаетесь в своей крепости переводчиком в числе «Интуриста» за то, что они показывают только один достижения советского; но вы находите много естественным, что наша коллективная выставка показывала только то, что по нашему мнению можно представить Франции.

Но все же я не хочу притворяться, что не понимаю так. Разумеется предполагаемый переходность этого знания Советов с тем наслаждением, с каким он выполнен и выполняется. Мне, к сожалению, не дано. Мне достаточно одной разобщенности его плана, чтобы желать от всего сердца его претворения в действительность.

23 апреля

Это состояние веры, при котором чувствуешь, мысли, все существо свое отдаешь и друг другу подчиняешь, полным вновь возвращается, как во времена моей «веры». Вероятно, полным мое сегодняшнее умиление сравнить с чувством веры. В течение длинного времени я постоянно разубеждал себя во имя чтобы, свободный разбор кетсонно неизменно приводил к атеизму. Не разговоры мысли и сомнения мои отодвинули веру. В чем нет ничего мистического, т. е. такого состояния когда можно прибегнуть к молитве и дать таким образом выход своим ответам. Просто мое существо стремится только к одному желанию, одной цели. Все мои мысли вновь возвращаются к этому. Я бы бы для того, чтобы обогатить побольше Советскому союзу, я надоедлива моя жизнь, я немедленно отдал бы ее... как это уже сделали, как это сделали многие другие, с которыми мне хотелось бы сравнться.

Я пишу это хладнокровно, вполне осознанно, но мне необходимо оставить после себя хоть это заявление на случай, если смерть настигнет меня до того, как мне удастся отказаться полностью. Они поймут, что мы для себя большого. Во время дела Дрейфуса я был свидетелем такого же положения. Но их мнению, среди сотрудников. Дрейфуса мало фигурировать в деле... Это к обвиняемым, нужным лишь одна группа. Хорошо согласны, что правда была не на их стороне, они дошли до апологии лжи. Они утверждали, что существуют высшие ценности, ценности лжи. Иметь при лжи к ценности возвышенной и чистотам: надо было различить все отчетливо. Одна только мысль преследовать на абсолютное, но лишь только дело доходило до приемов, которых — так самое бесцветное событие дало по всей поэтому расшатку соответствующую данному обстоянию. Нахальность пренебрежение случайно за истину.

О чисто литературной кажется мне результат по сравнению или как информация, только одну той же стороны, с которой я нас ими пренебрежен. Какой отказ от лжецов знания! Какое отступление вопросов! Что какие жизненные дерзкие к наиболее сложным и в ряды стыдным показаниям! Я отказываюсь признать подлинность политического подхода в спектакуле, применяемом лишь в одном направлении. Какая причина, кроме личной заинтересованности, побуждает их верить скорее одним сообщениям, пренебрегая из других? Как согласить себе мнение по столь подозрительным данным? Как не заподозрить какие-то темные махинации в таком спектакле сотрясения общественного мнения. Для сегодняшнего остается лишь одна сторона вопроса?

8 июня

Я не создаю себе никаких иллюзий. Я ведь знаю и сознаю, что все новые положения содержат еще много ошибок, много неточностей, и я твердо себе что только в заключении во всем вперед и во всем стремлении не может быть одной в той же... Но это неважно. Нетрудно сейчас усмотреть: «Какой прекрасной казалась советская власть во Франции», как каждого говорится: «Как хорошо была республика во времена империи».

Но эта власть, к которой нам запрещено стремиться, какой только клеветой вы не старались ее очернить? Не усмотрели вы этим расчистить сделать менее жалким тот режим, в котором мы пребываем? Что дела в СССР идут еще не так хорошо, как это утверждают некоторые, в это я могу еще поверить, и еще с большой отсрочкой, но то, чем хочет стать СССР, и то, чем он старается быть, вы не сможете заставить меня считать это менее прекрасным, менее желательным: не сможете лишить меня желания помочь этому.

13 июня

«В Германии уже 10 лет стало модным обращаться в коммунизм», сказал мне С.

А у нас модно обращение к абсолютности. Сохраненно это называется просто «обращением», как будто других обращений не может быть. Но коммунизмом я был всегда и сердцем, и духу, даже оставаясь христианином: и именно поэтому мне было так трудно отделить одно от другого и еще труднее противопоставить их. Одному мне это никогда не удалось бы. Чтобы прозреть меня, вмешались люди и события. Не говорите здесь об «обращении», я не переменил направления: я всегда шел прямо вперед и продолжаю идти. Вся разница в том, что я долго не различал впереди ничего кроме пространства и отражения собственных чувств. Теперь я начинаюсь ощущать на что-то определенное. Я знаю, что где-то мои тайные желания воплотятся в жизнь и что моя мечта постепенно переходит в действительность.

Письмо в редакцию

„Литературной газеты"

Редакция «Литературной газеты» получила письмо Андре Жида, в котором он пишет следующее:

«Я получил ваше письмо и приложенные к нему вопросы.

Позвольте мне выразить свои симпатии к вашей газете и просить вас вместо нового ответа на поставленные вопросы опубликовать по вашему выбору страницы из моего дневника, напечатанного в «Нувель рево франсез», те страницы, которые покажутся вам наиболее интересными.

АНДРЕ ЖИД

Ваше письмо тронуло меня особенно потому, что оно — знак широкой симпатии».

М. Серебрянский

Обсуждаем пьесу И. СЕЛЬВИНСКОГО

ПАО-ПАО

Два мира — буржуазный и пролетарский, две системы — капиталистическая и социалистическая, две культуры, живущие рядом и борющиеся между собой, каждая решает свой и разный и жизненно важный спорный вопрос и капитализм в самом их историческом существе, их специфике, их специфичности — эти вопросы, что сознает каждый из нас, требуют пристального внимания к ним и перных умов в советской литературе, с огромной силой пробиваемая в себе творческие взрывы наших писателей.

Не отдельные стороны, не частные проблемы справедливости, но вопросы более глубокие и общие, по своему действию имеющие историческое значение и звучащие сейчас основной идеологической темой развития литературы, не сегодняшнем сегодня.

Что несет с собой социализм? Действительный ли расцвет культуры и искусства, действительно ли обогащение и развитие индивидуальности, не творческих способностей и возможностей, как социализм не только материальное благополучие, но и духовное и культурное?

Ты, что ждешь, с теми или иными радостями и сомнениями в отношении нашего социалистического строя, в отрицательных сторонах и отсутствии его, в самом их историческом существе, их специфике, их специфичности — эти вопросы что сознает каждый из нас, требует что сознает каждый из нас, требует что сознает каждый из нас, требует

Расширенный пленум оргкомитета
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ тт. В. Я. Кирпотина и Л. М. Субоцкого

МИХ. СЛОНИМСКИЙ

Товарищи, перед нами стоят грандиозные задачи, которые еще не выполнены.

В свете этих огромных задач, в сущности, проходит наш пленум, показывающий полную политическую сплоченность советских писателей.

Не в обиду будь сказано, маловато было довольно много. Напущено было по творческому вопросу, в споре между реализмом и романтизмом, в том споре, за которым стоят много моментов случайных, я бы сказал, групповых.

Есть как стоит вопрос? Фактически часто выходило так, что творческая группировка соединяла писателей даже разнородных. Возможно, были такие случаи, что два—три писателя находились в отношениях крайней вражды, а творческое направление у них было одно. Но вопрос не в творческих группировках, а в творческом направлении — так будет лучше поставить вопрос.

Неизбежно на пленуме возвращение к ошибкам РАПП. Отсюда, рупор РАПП сыграл — она в свое время сыграла положительную роль. Но, говоря о РАПП, нельзя не отметить, например, что в последний свой период РАПП вносила вред пролетарским писателям. Тут достаточно много говорилось, в частности т. Козаковым, о той атмосфере, которая была создана для многих попутчиков. Но было плохо и пролетарским писателям, и не только пролетарским писателям.

В последний период была забыта литература, был заброшен писательский стычок. При том колоссальном количестве тем и при тех колоссальных задачах, которые стояли перед литературой, люди занимались не литературой, а организационными делами, организационной склокой. Именно в этот последний период РАПП грешила за обагрость, что в борьбе организационного порядка терялась квалификация некоторых писателей. И ликвидация РАПП, в смысле снижения квалификации, не может угрожать писателям. Но кое-кому ликвидация РАПП могла показаться снижением чинов и орденов. Однако все дело в конце концов в книгах, в том, что человек сделал, а не в чинах и орденах.

Развивая эту мысль, т. Слонимский утверждает, что в творческой неудаче романа Чумандрина «Ленинград» не последнюю роль сыграла и организационная борьба.

Возвращаясь к ошибкам РАПП, оратор останавливается на вопросе о взаимоотношении пролетарских и советских писателей. Грань между писателями пролетарскими и писателями советскими творчески не ощущалась, она ощущалась как организационная разница — белая кость и черная кость. Почему, скажем, Тихонов — «полуоплеванная» кость, почему Тихонов не член РАПП? Творческое развитие советской литературы действительно переросло всякие организационные рамки. Почему? Потому что началась связь и смычка вне организации советских писателей и пролетарских, и такой факт, как вступление в РАПП, потерял смысл на последнем этапе рапповской работы. Был такой эпизод: Тихонову и мне предлагали вступить в РАПП. Мы не вступили, потому что на данном этапе работы РАПП не видели в этом необходимости.

Полностью присоединяясь к оценке, которую т. Коваков дал положению попутчиков в период существования РАПП, оратор переходит к оценке творческой обстановки внутри РАПП. Он утверждает, что там было тоже много плохого, нездорового. Процветала групповая критика, которая была мимо основных задач в области литературы. Жертвой такой критики оказался и частности т. Лавренин.

— Дальше, — продолжает т. Слонимский, — я хочу остановиться на взаимодействии литературы советской и пролетарской. Об этом говорил в своем докладе т. Кирпотин. Мне кажется, что следует напомнить следующее обстоятельство: советская литература, начавшаяся в 1920-21 году, вернее, детский период, оказывает положительное влияние на литературу пролетарскую. Об этом вспомнить всегда стоит. На основе ошибок и достижений пионеров советской литературы, таких пионеров, как Всеволод Иванов, Малышкин и других строилась пролетарская литература. И вот, когда говорилось о влиянии РАПП на попутчиков, эта сторона дела забывалась, а она важна, потому что мы сейчас приходим к раскрытию этого взаимодействия. Дело не только в начальном этапе литературы. Дело в дальнейшем взаимодействии, в дальнейшем взаимовлиянии, об этом стоит вспомнить.

Наконец, последний вопрос — о литературной среде, литературной атмосфере. Был такой период, когда разговоры о мастерстве были почти подпольными, когда шопотом можно было говорить о форме произведения. Эта атмосфера не способствовала росту художественного мастерства писателя. Наоборот, она иногда способствовала дискваликации таких Тренев, когда вопрос о мастерстве поставлен по-настоящему, когда писатель действительно отвечает своими книгами, началась настоящая работа. Не забывая о прошлом, учитывая все ошибочное, что было совершено всем нашего пленума, мы можем смело глядеть в будущее (аплодисменты).

САТРИДИН АЙНИ (Таджикистан)

Присутствующие на пленуме должны знать, что Таджикистан, хотя и являлся в свое время самой отсталой республикой, имеет древнюю историю и очень высокую культуру. Но, поскольку таджикский народ находился под двойным гнетом — местного феодализма и русского царизма, таджикская культура пришла в сильнейший упадок.

Конечно, нельзя было ожидать, чтобы такая отсталая страна сразу после Октябрьской революции пошла быстрыми шагами вперед. Несмотря на то, что Таджикистан имел своих писателей, литература находилась на довольно низкой ступени развития. До постановления ЦК партии от 23 апреля критика также находилась на чрезвычайно низкой ступени. Стоило кому-нибудь написать небольшой отрывок небольшую повесть, как его моментально объявляли или классовым врагом или стопроцентным пролетарским писателем. Между тем, большинство этих писателей были молодежь, которым нужно было оказать помощь, которых нужно было учить. Этого таджикская критика не давала и не могла тогда дать.

После постановления ЦК ВКП(б), от 23 апреля таджикская литература пошла на подъем. В среднем Азии был организован журнал «За советскую литературу». Молодые таджикские писатели объединились в организацию таджикских писателей, которая группируется вокруг этого журнала и получает там марксистское воспитание. Кроме того, на таджикском языке стал выходить литературно-критический журнал под названием «За социалистическую литературу».

Недостатком нашей работы является то, что Таджикистаном мало руководили в области критики, когда как нам нужно оказывать преимущественное руководство и помощь.

Далее т. Сатридин-Айни отмечает громадное влияние, которое оказывает на молодых таджикских писателей поэт т. Лахути.

В заключение т. Айни говорит: работа в Таджикистане только начинается. Сейчас молодые писатели требуют помощи. Мы надеемся, что эта помощь им будет оказана.

ВЕРА ИНБЕР

Во вступительной части своей речи т. Вера Инбер бросает обвинение т. Авербаху, который, по ее мнению, не смог критически подойти к своим ошибкам прошлого.

Переходя к оценке положения на фронте критики, Вера Инбер говорит:

— Здесь говорили о критике, но еще никто не сказал о читателе, о том самом читателе, на которого действует эта критика. Я вижу, что наш читатель необычайно памятливый и хитрый человек.

Какие мы получаем записки?

Это чрезвычайно интересно, особенно в провинции. Я и мои товарищи получали огромное количество записок и большинство их сводится к вопросам: «Расскажите нашу биографию». Я не вижу здесь ничего зазорного, если только это желание не продиктовано чувством еще раз убедиться в твоей мелкой-мелкой буржуазности (смех), о которой очень много писали. Значит, это желание совершенно допустимое и законное.

В других записках спрашивают: «Расскажите о ваших ошибках» (аплодисменты). При этом здесь читатель проявляет совершенно потрясающую эрудицию: «А за что вас покрыла «Комсомольская правда» тогда-то году?». «А правда ли, что тогда-то о вас сказал то-то?». «А правда ли, что Багрицкий — биологист, правда ли, что Борис Левин — троцкист, а правда ли, что вы еще конструктивистка?»

Товарищи, кто принес нашему читателю и предусмотрительному и подлинному интересу к нашим ошибкам? Мы не скрываем своих ошибок, но почему так с вниманием обращено именно на них? И почему так мало нас спрашивают о том, что мы пишем?

И вот мне кажется, что для нашей критики предстоит очень важная работа.

Предположим, что о Багрицком писали сто раз, что он — биологист. Но вот один раз написали, что он — не биологист. Товарищи, достаточно ли этого одного раза, перекроет ли это огромную подготовительную работу по внедрению в сознание широких масс утверждения, что Багрицкий — биологист?

И тут я должна сказать, что меня просто изумило выступление т. Залкиндсона. Выходит мужчина, выходит человек, украшенный орденом Красного знамени, очевидно, привыкший к бою, и с дрожью в голосе говорит, что Фадеев назвал его недостаточно оклеветанным. А что же такая хрупкая попутчица, как я? (Аплодисменты.)

Товарищи, это смешно, но по существу это ведь довольно грустно. Кто вам поможет, как не наша критика, выбраться из-под груды того, что о нас писали и, главное, из-под груды того, чего о нас не писали, потому что самое страшное, когда о нас молчат? Не знаю, принято ли здесь говорить о личных делах, но по существу литература — это наше личное дело. Каждый говорит о том, что ему больно, что у него накипелось, о своих обидах.

Какая моя обида в литературе? Моя обида в том, что обо мне очень мало писали. Я не знаю, как мне работать. У меня иногда было такое чувство, что я могу написать самую контрреволюционную вещь, и меня никто не заметит. Иногда мне хотелось выбросить озорной эксперимент: дескать, я напишу что-нибудь такое из ряда вон выходящее, интересное, заметят ли это или не заметят? (Смех.) Вот такое чувство отсутствия резонанса — подумайте, как это тяжело и страшно! Так относилась ко мне критика? Было, кажется, на одном из последних пленумов РАПП, т. Авербах, за что я ему действительно по гроб жизни буду благодарен, защитил меня от Демьяна Бедного. Но как? Он сказал: можно как угодно относиться к человеку, не таясь от сказать в искренности. Это неправильно, нельзя как угодно относиться к искренности.

Здесь же говорил Фадеев, что художественный критерий — это главное. Но когда мы этого еще не знали (смех, аплодисменты). Когда мы приезжали в провинцию, там думали, что можно как угодно относиться к искренности, что главный вопрос — это искренность и честность. Теперь нужно обратить внимание на художественную сторонность.

О критерии художественности. Наши критики с такой же энергией, с которой они проводили разделение, что мы — конструктивисты, вредители и пр., мне до сих пор пишут записки: «Правда ли, что вы зачитывали Рембо?» (Хохот, аплодисменты), любопытный пример, показывающий, как все-таки в провинции зачастую все воспринимается тупо, неумно и плохо.

В Гомеле один парикмахер мне жалуется (это было уже после постановления ЦК, совсем недавно): «Я написал стихотворение, что автобусы не должны давить людей, а мне зачеркивают эту строчку и пишут: «Не должны давить пролетариев» (Хохот).

Товарищи, еще был такой случай: в «Литературной газете» в прошлом году устроили нечто вроде бенкетообразного вечера, где выступил т. Авербах. Он сказал, обращаясь к попутчикам: «Работайте, пишите, пройдут годы, и кто знает, может быть, мы встретимся в одной организации». Мы встретились в одной организации, правда, не в той, в которой вы, т. Авербах, предполагали, но это неважно (Хохот, аплодисменты).

Товарищи, мы встретились и хотим работать. Действительно, мы должны сейчас работать, и если каждый говорит, что у него наболело, это для того, чтобы лучше работать.

Этот пленум необычайный, хотя бы в том смысле, что здесь выступали такие писатели, как Андрей Белый — ведь даже Авербах никогда не читал Живого Андрея Белого (Хохот, аплодисменты). А что же сказать о молодых начинающих писателях, литературоведам ведь важно посмотреть на писателя другой конструкции, совершенно другой формации. В данном случае творчество Пришвина и особенно Андрея Белого чрезвычайно интересны. Есть Андрей Белый — это особая фигура, особое строение писательства. Литературовед чрезвычайно важно убедиться прежде всего, что Белый не такой, как белый, как он думает. У него проявляются раскроются. Он увидит, что это писательство, как оно формировалось — это чрезвычайно важно.

Мое пожелание: обратить сугубое внимание на критику, которая дотошно с необычайным жаром и упорством доказывала то, что она с таким упорством доказала (Смех).

Один французский писатель написал эпитафию прошлого. Над одной танцовщицей была чрезвычайно интересная эпитафия: «Плясала и нравилась». У меня есть доказательства, что я плясала своему читателю, но так как критики меня не опровергают в этом вопросе, я начинаю бояться, что я плясала пером обслуживаю не того, кого нужно или развращаю своим писанием того, кого бы я хотела обслуживать. Я бы очень хотела хорошую эпитафию, но не хочу, чтобы обо мне писали так, как о прежней танцовщице — «Плясала и нравилась». Я хочу знать, почему я нравилась. А, может быть, я не нравилась, и если это так, я предпочитаю умереть без всякой эпитафии, чем получить ее незаслуженно.

Вот мои горячие пожелания как человека, который так много лет в литературе (Продолжительные аплодисменты).

ЛЕВ НИКУЛИН

Мне хотелось бы высказаться по трем основным вопросам: о театре и театральном репертуаре, о социалистическом реализме и об отношениях между партийными и беспартийными.

Те, что мы видели на сцене и что особенно было отлично прекрасной пьесой Горького «Егор Булычев и другие», показывают, что пьесы наши строятся по известному театральному шаблону и в них очень мало уделяется внимания той самой правдивости и социалистическому реализму, которые достигнуты сейчас в порядок дня. По своему качеству даже наши лучшие пьесы 5 прошлых сезонов и в пропилах сильных чрезвычайно отстают от масштаба театральных работников, зрителей этих пьес. Мы заметили, что диалог строится необыкновенно упрощенно, что когда, например, произносится обыкновенная фраза кочегарка о своем товарище, о том, что он — дрянной работник, то на театре это получит сложно, со всевозможными вывинтами, переходами, словом так не говорят в действительности.

Но если мы перейдем к обыкновенной стенографической записи, то даже эта стенографическая запись не передает нам эволюции. Нужно так по-новому жить, чтобы автор имел две-три пьесы, на театре. Этого нет, и нет даже в лучших пьесах.

В большинстве фестиваль создают не драматурги, а мастера пьесы, так называемые драмаскрипты, как их называют шуты. Пьесы довольно занятные и интересные, такие, как Афиногенова и Гиршона, порождают целую подражательную литературу.

По-настоящему не выявлен на сцене язык драматурга, и даже в пьесе Олеши «Список благодеяний» — не язык Олеши, а язык Шишбашевского и импрессионистов Запада.

Перехожу к вопросу о социалистическом реализме. Литература работает не только на сегодняшний день, в литературе наших дней будут разбираться, ее будут перечитывать и люди будущего — изучать и правильно. Какая же литература имеет надежды на то, что она будет устойчивой во времени?

Мы обращаемся к прошлому и замечаем то, что отметил еще Энгельс в своем письме о Бальзаке: вещь, которую написал Бальзак в революции 48 года, через два года после того, как она произошла, оказалась устойчивой во времени потому, что Бальзак отразил эпоху, буржуазной революции.

Лозунг социалистического реализма — очень правильный по существу, но не случится ли с нами то, что случилось с результом диалектического материализма, применявшимся довольно странным образом? Ранешние критики ошибались, когда вешали в произведении элементы диалектического материализма, боясь полным диалектическим материалом, а поэтому подменяли данное наследование. В этом заключались их ошибка.

Меня берет сомнение: не произойдет ли с лозунгом социалистического реализма подобное? Не будет ли у нас литературы на данном социалистического реализма в вещах (голоса: Правильно!).

Дальше. Я слышал слова, что беспартийный — это по существу человек, у которого что-то неладно в голове, у которого нет ясности в мировоззрении. Если мы обратимся к тем беспартийным, честным беспартийным, которые шли за партией, начиная с самого начала революции, мы замечаем, что в действительности эта неясность преодолевается.

Началась эпоха социалистического строительства. Беспартийная интеллигенция, беспартийный писатель проходили через ряд очень сложных ситуаций и положений. Беспартийный писатель был свидетелем процесса меньшевиков, был свидетелем высылок на Запад со стороны ее врагов; постепенно он воспитывался, менялся и встречал уже такие положения и вещи, которые не доходили до его сознания, скажем 10 лет назад. (Постепенно. Я тут выступал говорить только в себе) Это перерождение дошло до того, что в момент работы над книгой я уже не чувствую на себе давления и влияния всех этих обстоятельств. Я пишу так, как я чувствую, но когда я перечитываю свою вещь от начала до конца, я замечаю с радостью, что нет в ней никаких противоречий марксистскому мировоззрению, и мне кажется, что я творю книгу для партии, и вообще в книге является для меня уже высшим совершенно целым.

Кроме того, мне хочется сказать еще о национальных литературах и о фактах этих литературах. Была в дореволюционной литературе такая теория, что в произведении элементы диалектического материализма, боясь полным диалектическим материалом, а поэтому подменяли данное наследование. В этом заключались их ошибка.

Меня берет сомнение: не произойдет ли с лозунгом социалистического реализма подобное? Не будет ли у нас литературы на данном социалистического реализма в вещах (голоса: Правильно!).

Н. ТИХОНОВ

Есть маленькие цитаты, которые вырастают в большие вещи. Есть, скажем, такие лирические строки:

«Пятнадцать о прошлых днях
Гавкала,
О Шилоне, о чаше, о любовке».

В применении к нашему сегодняшнему собранию и расширенному на 100 прошлых дней Гавкала нам и стала докладчиком Сандро Гули, который говорил о попутчиках Кольцова и о положении на Кавказе до 23 апреля. О Шилоне нам говорил Фадеев. (Смех). О любовке нам говорил Безыменский, который рассказывал о том закрытом фестивале, откуда стаю выгнали по талонам.

Таким образом, мне осталось последнее слово — говорить о любви (Аплодисменты. Смех).

И попробую сказать о любви, о той большой любви к нашей великой эпохе, к нашей пока еще неслыханной литературе, во всяком случае, не идущей вровень с великой эпохой.

Вам известно, как изменилось и изменяется лицо страны. Если вы будете объезжать всю страну, то в какой бы угол вы ни приехали, вы всюду найдете колоссальные изменения. Вся страна находится в положении гигантского гонорара. Изготовляются вещи, люди, характеры — все находится в колоссальном движении. Нужно сказать, что жить в такую эпоху и писать — чрезвычайно благодарная задача. Но как трудно написать, если бы мы знали, в какую эпоху. Я счастливо тем, что на этом слишком собрании, где действительно нет уже мандатных вдовы, можно посмотреть в лицо правде и языку, о любви к литературе.

У нас в Ленинграде, в Московском Парижском доме культуры устраивался такой вечер: на сцене перед подвальным залом собирали трактора разные бригады. Это был спор, это был поход настоящий (шепот). Когда они тонко скатывались со сцены, другой сцены не являлся безмолвием. О такой влиянии на литературе надо тоже сказать.

Писатели перешивали запутанные положения, когда было непонятно, где начинаются споры, и где они кончались, где начинается окопка и где она кончается. Этот конфликт стоит действительно усилий. Сейчас одна из главных задач происходит перебивку ценностей на материалах. Мы должны посмотреть прежде всего темы. Нужно сказать, что за эти три года мы пересмотрели отражение своей силы. Я не вижу здесь ничего ужасного — разве это нормальное положение? Сейчас я рад тому, что я могу сидеть по 16—20 часов за работой, и никто меня не будет от нее отвлекать. Бывает разные вещи, разные темы мы пишем. Я написала книгу «Война» — изучение меня не читала. Я прочитала эту книгу сейчас, она мне не нравится. Когда я ее писала, я знал, что она мне удастся не может

По теме она мне очень удалось, но по материалам нет. Почему она неудачна, посмотрю на то, что я полежал много сил? Потому, что нельзя относить к материалу, который не знаешь, нельзя подходить к материалу, который заключает разрешение вопроса только по тем моментам, которые ты берешь.

Теперь скажем, когда я пишу книгу «Большевик», я чувствую, что книга не хорошая, потому что в ней я пошел на заранее данный плакат. Все сделано, больше делать нечего, все проверено на месте.

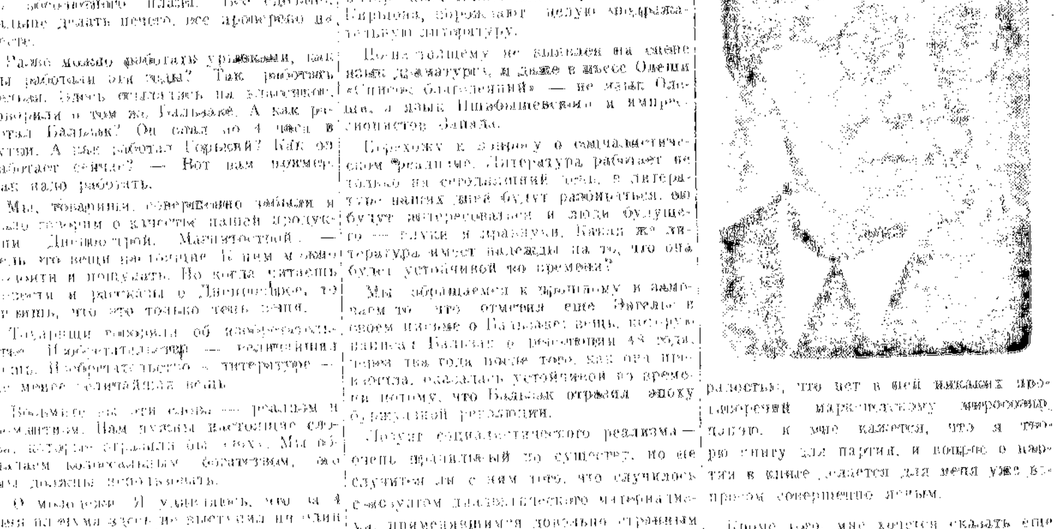
Разве можно работать уродливыми, как мы работали эти годы? Так работать нельзя. Здесь сидятся на классиков, говорили о том же Бальзаке. А как работал Бальзак? Он спал по 4 часа в сутки. А как работал Горький? Как он работает сейчас? — Вот нам пример. Так надо работать.

Мы, товарищи, совершенно забыли и мало говорим о качестве нашей продукции. Дисциплина. Материальная — есть это вещи не только в нем можно говорить и говорить. Но когда сидишь и рассказы о Дисциплине, то видишь, что это только тень вещи.

Товарищи говорили об изобразительстве. Изобразительство — величайшая вещь. Изобразительство в литературе — не менее величайшая вещь.

Возьмите эти слова — реализм и романтизм. Нам нужны настоящие слова, которые отражали бы стиль. Мы подлинно колоссальным богатством, это мы должны использовать.

О молодежи. Я удивляюсь, что за 4 дня пленума здесь не выступил ни один молодой поэт. Мы не слышали здесь Гайдаровского, Сельвинского, Прокофьева, Рыбникова. Почему это так? Мы говорим о романе, но романов мало. Стихов у нас почти нет. Нужен роман в 50 страниц и лучше, что это роман. А есть литературное дело — дело не легкое. Помните, как Гейне звал «Мои вы, вы души». Плохое время звать «Мертвых душ», но вы не должны бояться звать души, которые нам не нужны. Нужно только уметь и должно быть работать над собой.



Иллюстрации к роману Л. Леонова «Соть», вышедшему в октябрьской серии ГИХЛ. Работа академика Д. Н. Кардовского

Оказать, что мы истолковываете данное слово в смысле винарования из нас некого мелкого духа, а я, мол, охраняю его и жалею. Ошибаетесь. Его Величество жестоким образом эксплоатирует. Я даже в каком-то смысле готов распространять коммунизм и социализм, но так, чтобы у него вошли все классы российского общества. Разве мы не дети одной страны, которая прислушивалась к тому, что там происходит — знаете сколько классы многих тысячелетий. Стыдно мне в сопротивляться тысячелетним идеалам. Его Величество. Пусть, вернемся к нашему делу. Теперь представьте, что я пропился дотла, пал бы в своем прошлом назад и постыдное собой — четырехлетнюю мы пережили в гражданке. Попробуй, отвечай в бой мне, в противном случае, не собаны ценности все страсти? Приглядитесь к лицам, которых я веду и сопровождаю! Они, борясь посредством четырехмесячного плана четырехлетним и противоречия так научатся управлять своими страстями, так разовьют внутренние свойства, что через четыре года — почему конца краха — всякий присоединится к коммунизму!

Я только взяв руками. Сделали Львовы заняла жалейшим тонкосенним омеком. — Чем дальше он говорил, тем больше он становился мне противен. Любопытство, все расширяется, нетерпение любопытство одолевало меня от дрожи.

— Таким путем, Егор Егорыч, разнообразнейшим путем добрались мы в до Сухаревского участка.

— Пора, — я досадой сказал я.

— Именно! Приятно! Сейчас мы разберем эту тему. Должно заметить, что Сухаревский — это самый большой в Европе участок из всех прилежащих нам. Здесь трудно рассчитаться. Возможно вам любопытно узнать, как мы работали? Я разрывался, я мы распределялись многие до того, что снимали все уютных для наших университетов и складами. Конечно, конечно, лично знакомлю. Полезнее перед знакомым другим нужным лицом бумажит. — замету, что среди молодых людей имеют Сорее истории «Академия» проф «Пасьма в одной ночи», причем мой план имеет считал большой год, одну тысячу шести вместился одну ночь, а выкинуть, выкинуть и выходные, чтобы одну ночь в эта последняя ночь вот вопрос сейчас...

Дойдя до меня этим последним приближением! У меня даже колени задрожали и я прислонился к почтовой колонне. Ой, опасная меня лапшами, прислушал дочитать.

— Буквинет не берет, часовщик лентяй. Тот же Пасса! Или продолжительный Левин. Или зарежник и клинах лет мастер Тролле. Не спортсмены Лебедевы... или, начиная на отрезность, на нотика жетны отдается для меня дороже в нескольких. Лидия Львовна, великий мастер своего дела. Выжимали также в Сухаревке, которые наблюдные люди обжаловали молодость и сухость, особенно в блокнотах. Его Величество, Вторым, сумели не сеять хотения, как с первого слова кажется? Вы вы обрусились. Прежде! Были ж дряжа, если мы получаем по тяжелым ценам и пропадали даже по тяжелым, но, пусть, одно у меньшенным. Государственные вещи? А разве я не государственная вещь, разве на меня не поставлены малости государства, даже в линии картины или на порта? Затем. Я стоял перед собой философие не нем, я мечтатель свободных людей, тоже не изучал Фоннаиса. Я не полобен им занимать валютой, золотом, мой план был разнообразе с отрицательной потоком. Очень очень хорошие заслуженно. Его Величеству, оборотом и побежать. Хозяин осторожненько по участку и начать тот сделает прочно большой... Не существенно сказанное. Не дуем обычные пошлостью и прочитал. Время тебя необходимо и большое государство с его хлебами, усеченным и перешестнованными цитатами из жалей, с путешами ночных, а лет-такое — тоже добыли, он поворачивает и нет по тоже путешо. Отрета дешку в вазу, Егор Егорыч, уплесть людям, и бонд ли кому возможно выдуть из себя это дальнейшее? Работа многое благополучно, я все же понимал, что Стоиндеду Константиновну нельзя замком удивлять, она волочит бывает что, дожидает самостоятельно решать сделки, напорчит, а главное — не пускать ее в основной замыкает предприятия, и пошел она туда мосты, так как я часто волновался уступами не говорей. Начал я эти обыкновенно проникать. Начало, он поступил и ребенок, потом, сначала, могли тоже на ассоциаторность, отсрочка — и смысле рукопись, тогда по реставрацию, а чтобы на он, сговорившись со Степанидой Александровной, стоящее в мелкие, стекляшки, оставался. Жаворонок. Посередине с одним вместе, начал сто разбить и разрывать, а он сопротивлять мы бога, нашли — наклонную к себе дебелых, а то ты всего дела не пожалеем (Продолжается), вытекать, а сильно — жалобным участием за разбитием конфликта Жаворонка — Степанида Александровна, и этот конфликт, если его не прекратить, способен их разметить.

— Но вы ж его начали, вы и прекратите.

— Зачем? Кажется тысяча девятьсот, и люди с удивлением особенно не рубили с ним. А мы ходили без обычного конфликта лишнее поплетение на пьяных? Чернышов собрал для спасения. Здесь вам нельзя жаловаться, Егор Егорыч, и все отдрать.

— Мудрец, — восклицал я, вымыхивал, — вы стоящий бонтон Мичуринского, он вам нельзя сплоховать, Лебедевых трусите!

Он сколько жала моего начала. Он нечестит меня бесчисленно, ранение его бонтона моего, и в глаз, прежде лучший и дрожжами, он перенес на обстоятельность и спокойствие!

— Ясно, что при нашем хозяйстве не может быть прекрасно, но как я литературы, международная обстановка такова, что без отрицания не обойдешься, — социалам трудно не заметно, всякий понимает, — и все тоже, что есть при запрещениях. Начинает мысль не замотает не вывести по ему пользующие ценности. И тогда пояснения Чернышев: Чечевица есть разлитка. Он их получает, эти силы, прощает им дрожжи...

— Ясно?

— Иначе бы продолжают осаду, но с помощью Зельдина Зельдин, потому что перестать вступленного необходимо, то есть возможность сдать любой исход.

— Бы чорт знает что говорите, Сергей Львович. Иной исход! Да вас

— фиглиты! Однако же вы остерегайтесь бонтона человека. И вот, допустим, вам бы пришлось фиглиться для ублажения всех жевущих в дому 42. Допустим наличие чрезвычайной у всеобщительности, вместо на пустом месте объекта бы вывести. Да, сказать вы, вот оно в обуч. вывести в вовнутрь, а вообще то дуйте не их использовать, ну хоть бы кремень...

— Ага, кремень!

Да кремень. Четыре года переменами и общественного сновидения. Имейте в виду, что я говорю не про себя и не про тех, которых я сам и перечитал, а про других — их еще много, ибо «Мелкие, что в 1927 году частью занятия поднимение в государственные дела, до сегодня 30 обоб.— отрыв сильно в борьбе в бонтоне. Вот и не получает отличных дел, бодрящимся, а они не фрегаты: кочем. Четыре года обыкновенно розаются.—Кричите вы. Понятно, отвечают они, через четыре года неизвестно еще, какие силы выдвигают. И ты тоже разлаки способствия появляется Леон Поликич...

И испытывая крайнее недоумение:

— Не давайте Леон Поликича сотовой дубой. Ругайте Чернышову вы не менее эмоциональны, чем мы.

— Боюсь, вы слишком однобоферны, Егор Егорыч, в своих суждениях. Вашя обязанности как сотрудник. Уважить Леон Поликич мои доказательства.

— Вы-ли ах-ли — кричал я.

— Я шесту лечка.

Уот Харман

Литературный Нью-Йорк

2. В Джон-рид—клубе

На собраниях, устраиваемых Джон Рид-клубом особенно на еженедельных воскресных дискуссиях, можно встретить все, что есть наиболее выдающегося в литературном мире Нью-Йорка.

Эдмунд Уильсон, Льюэн Арвин, Малькольм Каули, Майкл Голд, Гренвилл Уикс, Джозеф Фримен и многие другие приходят туда читать доклады или участвовать в дискуссиях.

Здесь, в Джон Рид-клубе, и состоялся тот многолюдный митинг, на котором известный мексиканский художник Диего де Ривера был заклеймен как предатель революционного движения. Митинг прошел настолько бурно, что сменались три председателя, так как каждый из них в свою очередь выбирался из сил.

Снова же, в Джон Рид-клуб, явился в полном составе актерский коллектив «Группа-театра», летнее Театр-Гильд, чтобы принять участие в дискуссии о театре и его функциях. И здесь же члены рабочих драматических групп впервые встретились лицом к лицу с актерами «Группы-театра» и вступили с ними в бой.

Здесь же обсуждалась программа и резолюция харьковской конференции революционных писателей. На эти собрания приглашались представители рабочих организаций, а также ряд буржуазных писателей.

В прошлом году предметом литературных дискуссий явился журнал «Нью мэссес», его настоящее и будущее.

Старое и позольно неказистое на вид здание Джон Рид-клуба на 14-й улице, 63 West, в центре литературного центра Америки — та кузница, где революционное культурное движение Америки выковывает в горниле дискуссий свою меткую теорию.

Джон Рид-клуб — это рабочая мастерская, где писатели и художники собираются и детально разрабатывают планы своего непосредственного участия в борьбе рабочего класса. Члены клуба — художники рисуют плакаты, лозунги и карикатуры для рабочих демонстраций, а писатели выносят резолюции и выступают в печати в защиту политзаключенных горняков Кентукки, рабочих и писателей Китая и в защиту Советского союза.

В то самое время, когда в Харькове происходила II международная конференция революционных писателей, в литературном мире Нью-Йорка имело место выступление Майкла Голда, которое произвело там впечатление разорвавшейся бомбы. Отголоски этого взрыва — до сих пор сказываются в различных литературных журналах.

Что же это была за бомба? В либеральном еженедельнике «Нейшн» ранее была напечатана статья Майкла Голда, содержащая нападки на Торнтона Уайлдера, автора блестяще-мастерской книги «Мост через Сан-Луис» и ряда других имевших успех романов. Этот последний, кумир либералов, Майкл Голд назвал декадентом и бросил ему вызов вместо того, чтобы писать о классической Греции, пусть Торнтон Уайлдер обратится к великим народным массам Америки, к жизни рабочего класса, его борьбе и стремлениям.

Статья Голда возмутила эстетов-либералов, они бешено протестовали и дискуссия пошла, что Майкл Голд совершил «преступление».

Целых шесть недель в каждом очередном номере «Нью пиблик» от одного к другому [illegible] ...ной до трех страниц были заняты письмами читателей, в большинстве случаев выражавших возмущение статьей Голда. Все это происходило в 1930 году, именно в тот психологический момент, когда кризис в Америке стал обостряться.

Другая литературная полемика, вокруг которой также поднялся большой шум, имела место всего несколько месяцев назад. На литературном конкурсе, проводимом одним из крупнейших американских журналов «Скрибнера-магазин», первая премия в 5.000 долларов была разделена между Джоном Херманом, писателем, участвовавшим в харьковской конференции, и Томасом Вулфом (автором книги «Лети домой, ангел»), о котором Синклер Льюис в своей речи, произнесенной в связи с присуждением ему нобелевской премии, отозвался как об одном из наиболее выдающихся молодых писателей Америки.

В новелле Хермана речь идет о добродушном комиссионере по продаже драгоценностей, который совершает свое последнее путешествие прежде чем окончательно уйти от дел, и о его сыне, кончающем высшую школу и готовящемся стать инженером. Юноша критически относится к патриархальному образу жизни своего отца и намерен посвятить себя работе на пользу Советского союза. Фоном для этого сюжета служит описание кризиса в Америке.

Рассказ Вулфа прошел почти незамеченным. Вокруг же новеллы Германа поднялась целая буря. На жюри конкурса, присудившее премию Герману, со всех сторон посыпались простые жалобы.

В жюри входили следующие лица: молодой критик Эдмунд Вильсон, Бертон Раско, литературный критик нью-йоркской газеты «Сан», и Уиллям Соскин, либерально-буржуазный редактор литературного отдела нью-йоркской «Ивнинг пост».

Бертон Раско, на которого повел атаку Гарри Хансен, редактор литературного отдела нью-йоркской «Телеграмм», пошел на попятный и заявил, что он стоял за присуждение премии Герману только потому, что в его рассказе сын изображен неблагодарным и антипатичным юношей, а отец — милым и добрым человеком.

Это отнюдь не соответствовало истине. Херман совершенно иначе обрисовал своих персонажей, но позиция Бертона Раско весьма характерна для буржуазного критика.

С новеллой Джона Хермана связан еще один любопытный инцидент. Когда автор впервые принес в редакцию «Скрибнера-магазин» рукопись этой новеллы, она была отвергнута по той причине, что она «чересчур угнетающе действует на читателей». «У нас не любят читать такие рассказы, — заявил Херману редактор. — Люди хотят чего-нибудь бодрого, веселого, чего-нибудь такого, что рассеяло бы их подавленное настроение. Кроме того, — добавил редактор, — кризис не может долго продлиться. К тому времени, как ваш рассказ будет напечатан, кризис уже кончится».

Это было сказано год назад!

ШАРЖИ АМЕР. ХУД. САРАВИ

Теодор Драйзер — Джон Дос-Пассос — Шервуд Андерсон

в Оргкомитете

НА ПЕРВОМ ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА

4 октября состоялось первое заседание президиума оргкомитета ССП. Пленумы оргкомитета раз в месяц. Второй пленум будет созван в конце декабря. Основными вопросами его повестки будут стоять утверждение устава союза советских писателей, о прозаизмах, критике и о детской литературе.

Вопрос о решении о постройке городка писателей, в котором будут созданы учреждения культурно-бытового характера: дворец литературы, библиотека, литучей, гостиница для приезжих писателей.

ПЛАНИРОВАНИЕ РАБОТЫ КРИТИКОВ

13 ноября при оргкомитете ССП состоялось совещание критиков, обсудивших ряд организационных вопросов. На совещании присутствовали тт. Аксенов, Войтинская, Ефремин, Брыжов, Динамов, К. Зелинский, Т. Ильина, Колобов, Рабинович, Макарьев, Серебрянский, Исаенко, Усиевич, Нечаев и др.

Большое внимание было уделено планированию работы критиков. Сейчас, в период усиленного подъема творческих сил писателей и поэтов, этот вопрос приобретает особое первое значение. Необходимо заострить внимание пленума, поставить перед критикой ряд задач, требующих решения.

Социалистический реализм, революционный романтизм, проблема литературного наследства, Маркс, Энгельс и Ленин об искусстве и литературе — вот общие вопросы, которые должны быть разработаны уже в ближайшее время (конец 1932 и начало 1933 года).

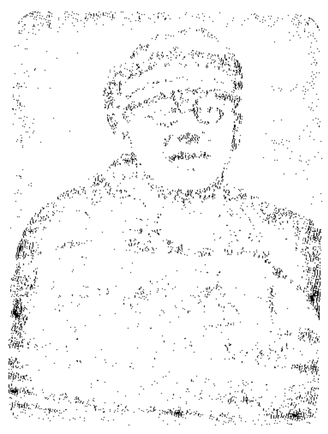
Конкретная критика должна заняться также разбором творчества отдельных писателей, поэтов и драматургов.

Присутствовавшие на совещании товарищи выдвигали немногочисленные для разработки темы. Итоги работы над той или иной проблемой будут обсуждаться на пленумах и таких совещаниях писательской общественности. Первый доклад о социалистическом реализме будет сделан т. Пусиновым 25 ноября.

История костюма

ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ

Художник В. Козлинский приступил к работе над большой двухтомной монографией по истории костюма эпохи классовой пролетарской революции (1917—1932 год). Текст пишет Валентин Катаев.



Моганек Бехер, известный немецкий писатель-коммунист, на последних выборах в рейхстаг депутатом в рейхстаг

ВЕНГЕРСКИЕ ПИСАТЕЛИ ЗА РАБОТОЙ

Лайош Кашш работает над большим романом в двух частях. Роман называется «Два мира» и построен на материалах, собранных автором за 5 лет работы и путешествий по Европе. Первая, уже законченная, часть романа рисует картину распада капиталистических стран и нарастания рабочего революционного движения, разлагаемого безработицей и кризисом капитализма. Это отнюдь не [illegible] зарисовки или очерки, а главы, связанные одной революционной интригой. Вторая часть романа — об СССР. Первая часть романа — 1921—1932 гг. В этой части показан рост социалистического строительства и участие в нем иностранных рабочих, политэмигрантов и близких большевиков. Первая часть романа переведена сейчас на немецкий и русский языки.

Кроме того, Лайош Кашш написал роман «Месть или жизнь» о классовой борьбе, подробное изложение и распада капитализма в одной из соседних стран.

* *
*

А. Барта заканчивает роман «Без пощады» о крестьянстве в Венгрии. Роман переводится на немецкий, а затем на русский языки и выйдет в ГИХЛ в начале 1933 года.

Литературно-творческое пребывание т. Барта на Урале оказало большое влияние на его творческие планы. Собранные материалы легли в основу нескольких очерков, стихов и повести о рабочем-инженере Мазуреке.

Главной же работой на уральском материале будет большая эпическая поэма (4—5 печатных листов) о социалистическом строительстве.

* *
*

Ш. БАХАНА кончает антивоенный роман о революционной работе в румынской армии в мирное время, о перевоспитании солдата в сознательного революционера. Этот роман рассчитан на широкие читательские массы, главным образом на крестьянство и [illegible] Венгрии и называется «Помощь и солдате для солдата».

В январе М. Бахана ждет завершения для Международного суда по участию комиссии в западно-европейской радиопьесной работе и в советской борьбе.

В ближайшие творческие планы М. Бахана — продолжение романа «Дорожка» (две части уже напечатаны) и роман о крупном индустриальном заводе [illegible]

* *
*

Венгерский писатель-коммунист ШАНДОР ГЕРТЕЛЬ работает над новым крестьянским романом. Тема романа — жизнь венгерской крестьянина в революционизирующем деревне в эпоху капиталистического кризиса. Роман отражает борьбу падения венгерской советской диктатуры в период 1933 года в каждом из нескольких [illegible] Будет завершен в феврале 1933 года и выйдет на нем русском языке в издательстве иностранных работ. Кроме того, писатель работает над большим кинесценарием — 1933 год в венгерской [illegible] и поэзии.

Пао-Пао

Идея зверолюдов [illegible] в бочной теории зверолюдов. Это в другую [illegible] компрометирует правильную и здоровую в своей основе мысль Сельдинского о конфликте и этическом противоречии [illegible] строя. И, с другой стороны, эта ошибка говорит и о том, что основная мысль пьесы недодумала художником до конца и поэтому не есть [illegible] ей образную [illegible]

Сельдинский говорит конечно, что т. Сельдинский [illegible] не [illegible] [illegible] [illegible]